

КТО-ТО назвал артиста «скульптором, который ваяет из снега». Красноречивость молвы, свидетельства авторитетных современников, иконография и т.д. доносят до нас эхо голосов Тальма и Щепкина, Рашели и Ермоловой... XX век со своими электронными средствами массовой информации, кино и фотографией сумел, словно раствор фотоакрепителя, зацементировать неповторимость краткой жизни артиста (со всеми плюсами и минусами кино- и фотокадра). Мы получили возможность полагаться не только на достоверные источники и свидетельства очевидцев, но и увидеть собственными глазами Искусство Театра — эту бабочку-однодневку на плече Мельпомены. И все-таки письменные и устные свидетельства не потеряли своего обаяния и великой силы Документа Души. Доказательством тому служит популярность «театральных» книг — в жанрах мемуаристики ли, монографий, художественной эссенстики...

Столичный Дом актера устроил презентацию новой книги «**АРТИСТ**» — с подзаголовком: «**Книга о Евгении Александровиче Евстигнееве**» (М.: РИК «КУЛЬТУРА», 1994. Тираж 10 000 экз.). Мы знали и любили его Дынина из «Добро пожаловать...», Режиссера из «Берегись автомобиля!», Корейку из «Золотого теленка», Корзухина из «Бега», Плейшнёра из «Семнадцати мгновений весны». Мы наизусть вызубривали его эпизодическую роль из «Место встречи изменить нельзя»...

Вот почему в зале было негде яблоку упасть. Собрались друзья, родные, авторы книги, почитатели великого Е.Е.: писатели Александр Свободин, Виктор Розов, артисты Владлен Давыдов, Валентина Талызина, Ия Саввина, Евгений Лазарев, Сергей Шустикский, Ирина Алферова, Виктор Сергачев... И то, что не пришли именитые однокурсники артиста — Татьяна Дороница, Олег Басилашвили, Михаил Козаков, коллеги по театру и кино Олег Ефремов и Галина

КОГДА ЭТО СИЛЬНЕЕ ГОЛОСА...

Кн. обозрение. — 1995. — 7 февр. — с. 25.

Волчек, не внесло микроба раздражения в свободное дыхание вечера.

Книгу написали 35 авторов. Им было нелегко — сразу через несколько месяцев вспомнить о друге, родном человеке, коллеге по сцене. Поскольку читатель «КО» имеет возможность приобрести и познакомиться с книгой, мы решили воспользоваться случаем и поговорить с участниками презентации о том, что осталось «за кадром» книги о Евстигнееве, а порой как будто и не имело прямого отношения к артисту. Нам показалось, что это добавит что-то новое к представлениям наших читателей о Евгении Александровиче Евстигнееве, о нынешнем состоянии российского искусства, о температуре души его творцов...

СЕРГЕЙ ШУСТИККИЙ, известный всем по телепередаче «Радио-труба», представил на суд собравшихся отрывки из неснятого фильма «Тени Фаберже» с Евстигнеевым в главной и — может быть, последней — кинороли.

— Сергей, в чем вы видите «формулу Евстигнеева»?

— Талант от Бога, доброта и юмор.

— Что-нибудь интересное прочитали в последнее время?

— Инструкцию по пользованию компьютером. Я — композитор, впереди XXI век.

— Как вы оказались на презентации книги о Евгении Евстигнееве? — этот вопрос мы задали **СТЕПАНУ МИКОЯНУ** — сыну советского государственного деятеля, военному летчику-испытателю, инженеру.

— Я не принадлежу к миру искусства, но всегда им интересовался и любил людей искусства. Вот и сюда меня пригласили мои знакомые — через вдову Евгения Александровича.

— Мы — «КО», и наши вопросы — книжные: что вам запомнилось из прочитанного в последнее время?

— Сейчас начал читать Н.Эйдельмана... А до этого читал английские книги — в оригинале. Откровенно говоря, забываю часто названия и имена действующих лиц...

А наших книг сейчас не читаю потому, что сам пишу воспоминания. Я долго это скрывал, но сейчас почти готово... Поэтому мне нынче не до чтения...

— Евгений Евстигнеев — это гений, — сказала, отвечая на наш вопрос, **ИЯ САВВИНА**. — Он любил говорить про себя и другого человека знаменитую эпиграмму:

Ты — Евгений.

Я — Евгений.

Ты — не гений.

Я — не гений.

Ты — дерьмо,

и я — дерьмо.

Но я недавно,

а ты давно...

— У Кедрина есть стихи: «У поэтов есть такой обычай: в круг сойдясь, оплевывать друг друга...» Стало быть, у артистов тоже есть такой обычай...

— Нет, у артистов такого нет. Наш «мужской» МХАТ (за что я его люблю) — добрый театр...

— Вы любите читать детективы?

— Именно сейчас читаю старый детектив: потому что новых нет! Я вообще люблю читать детективы и разгадывать кроссворды. Кроссворды мне трени-

руют память для разучивания ролей, а детективы люблю потому, что к ночи так устаю, а хочется что-нибудь почитать. На серьезное не хватает уже мозгов. А здесь читаешь — и тут же забываешь. И вроде бы мозги крутятся... Вот сейчас у меня — «Мертвые молчат» Чейза.

— Вы не боитесь, что читатели прочитают ваши слова и разочаруются в актрисе? Все-таки вы сыграли роли в Достоевском...

— Но у меня был и «Гарраж»... А сейчас я играю майора КГБ в «Новом американце» Сергея Довлатова.

Вот вы говорите о детективах, а, кажется, Рассел заметил: когда не будет войн и все будет замечательно, в чем же тогда будет выражаться неизбывная человеческая страсть к насилию? Она ведь все равно существует в человеке! Я, продолжал Рассел, решаю эту проблему очень просто: с помощью детективов!

— Я смотрю, у вас хорошее научное обеспечение...

— А как же! Я тылы всегда подкрепляю великими цитатами. Что-бы потом, если в меня будут плевать, пусть попадают и в великих.

...А вообще-то я ничего не читаю и не смотрю телевизор шесть лет. Как только началось: «Первый микрофон... второй микрофон...», моя сложная нервная организация не выдержала. Витя Сергачев мне говорит: «Ты, правда, не смотришь телевизор? Так ты сэкономила себе четыре года жизни!» Тут называется мой эгоизм и защитная реакция: я все равно все знаю, но я знаю как бы опосредованно. Это вызывает не такую сильную эмоциональную реакцию. Наверное, потому что я — эгоистка: берегу себя. Хотя — совсем себя не берегу...

— В вас засело Достоевское начало!..

— Нет, мне Чехов ближе, чем Достоевский.

Последнее слово — вдове артиста **ИРИНЕ ЦЫВИНОЙ**.

— Все, кто помнит Евстигнеева, знают: Евстигнеев — это Евстигнеев! Это явление — для русского театра, русского кино.

Каким книгам отдавал предпочтение Евгений Александрович?

— Детективам! Он обожал очень плохое кино и очень плохие книги. Ему нравилось все, что остросюжетно. От глубоких мыслей ему становилось скучно. Все серьезное он играл, а развлекался несерьезными детективами.

— Вы — одна из создателей книги. Довольны ли вы ею?

— Я ждала ее три года и счастлива, что она вышла.

— Если бы пришлось ее переиздавать, что бы вы в нее добавили?

— Я бы ничего не внесла, даже кое-что из книги бы убрала, например, ненужные, слишком советские мысли (собиралась пресса разных лет!), которые сейчас совершенно не звучат. Потом — книга шла по свежим следам перестройки, и я слишком много сделала политических акцентов. Этого не нужно было делать. Сейчас я бы сделала книгу более философской.

— Кто был Евгений Евстигнеев по своим политическим взглядам?

— Он был... за империю! Империя — мать порядка...

Вечер продолжался. Публика аплодировала портрету Евгения Евстигнеева. А он смотрел сквозь очки и улыбался. Той особенной евстигнеевской улыбкой, с какой играл в кино и на сцене своих счастливых неудачников. Прав Метерлиник, сказавший в «Синей птице»: мертвые, о которых помнят, живут так, как будто они не умерли...

Александр ШУПЛОВ.